
Н.Ф. Алефиренко

**КОГНИТИВНАЯ
СЕМИОЛОГИЯ: истоки,
становление и
перспективы развития**

Поиск методологических основ изучения языка в рамках когнитивно-семиологической парадигмы на базе логических связей в рамках дискурса является темой данной статьи. Определяются цели и категории данного исследования.

Алефиренко
Николай **Фёдорович** — докт.
филол. наук, Белгородский гос-
университет

© 2007 г. Н.Ф. Алефиренко

Несмотря на интенсивное развитие когнитивной лингвистики, все еще преждевременно считать, что в науке о языке сформировано адекватное представление о функциональном соотношении когнитивных и вербальных структур, обеспечивающих речемыслительную деятельность человека. В определенной мере к лучшему ситуацию меняют когнитивно-семиологические исследования, пытающиеся показать формирование языкового знака в гармоничном взаимодействии *рациональных* и *чувственных* механизмов человеческого познания.

Истоки когнитивной семиологии. Предпосылки к возникновению когнитивно-семиологических идей, пожалуй, впервые, закладываются философами-сенсуалистами (лат. *sensus* — 'чувство, ощущение'), прежде всего в трудах Э.Б. де Кондильяка, считавшего протометафору важнейшей составляющей языкового сознания человека [Кондильяк, 2006, с. 104]. Аффективность восприятия мира привела к активному использованию метафоры как связующего звена между обозначающим предметом и его чувственным образом. Взгляды Э.Б. де Кондильяка полностью разделяли Ж.-Ж. Руссо и его последователи. Однако непосредственные лингвистические основы когнитивной семиологии были заложены в XIX в. Х.К. Райзигом и Г. Паулем. К сожалению, с момента выхода в свет в 1839 г. книги Х.К. Райзига «Vorlesungen über lateinische Sprachwissenschaft» семиология долгие годы находилась на скрытой стадии своего развития. Обратившись к идее о чувственно-рассудочных приводах смысловой

динамики слова, Г. Пауль в известной книге «Принципы истории языка» (1880) путем разграничения узуального (внеконтекстного) и окказионального значения слова создает используемую и в наше время классификацию видов семантических изменений слова (сужение, расширение, перенос и смещение значения), различает его основное и второстепенное (производное) значение. Основное значение, по Г. Паулю, автоматически «всплывает в сознании» при внеконтекстном упоминании слова. Этот вид значения чаще всего становится объектом изучения и в наше время, хотя уже в 1900 г. такой подход был подвергнут критике в трудах В. Вундта. Критикуя Г. Пауля за недостаточное внимание к *причинам и видам* семантических изменений, ученый сосредоточился на психических стимулах таких изменений. Основным среди них он называет законы ассоциации: по подобию, по смежности и по несовместимости элементов (см.: [Левицкий, 2006, с. 11]).

Становление когнитивной семиологии. В XX в. импульсом к развитию семиологии стали исследования К.О.Эрдмана (1910) и Г. Шпербера (1923). К.О. Эрдман практически создал учение о структуре значения слова, выделив в нем понятие (Begriff), побочный смысл (Nebensinn) и чувственное значение (Gefühlswert). Слова *конь, лошадь* и *кляча* выражают одинаковое понятие, но имеют разные значения, поскольку значение включает еще побочный смысл и чувственное содержание. Побочный смысл, по К.О. Эрдману, включает все те сопровождающие представления, которые слово непроизвольно вызывает в нашем сознании. Так, слово *верблюд* в сознании обычно вызывает сопровождающее представление о пустыне. Развивая эти идеи, А. Зиберер в 1957 г. обращает внимание на связь эмоционального значения с звучанием слова. В 1976 г. А.А. Леонтьев обосновал единство чувственной, смысловой и эмоциональной окрашенности слова. А уже в наше время В.И. Шаховским разработана теория эмотивного значения слова, находящая развитие в когнитивно-семиологических исследованиях, исповедующих принцип единства рационального и эмоционального уже на первых этапах порождения речи (Л.А. Пиотровская и др.).

Однако вернемся к В. Вундту, который также не избежал критического анализа своих суждений. Полемизируя с В. Вундтом о глобальной значимости ассоциаций в семантических изменениях слова, Г. Шпербер, вслед за К.О. Эрдманом, акцентирует внимание на эмоциональном тоне (Gefühlston), служащем, по его мнению, основным источником энергии семантического преобразования содержания слова. Ученый исходит из того, что поскольку слово выступает не только средством понимания, но и средством выражения аффекта, наше языковое сознание постоянно находится в поиске средств, которые бы адекватно выполняли эти обе функции. Он приходит к мысли о том, что именно *аффект* служит основным источником семантических

Перспективы развития. В целом современная когнитивная семиология исходит из функционального соотношения четырех базовых категорий: мышления, сознания, значения и смысла. Признавая наличие разных типов мышления, в когнитивной семиологии внимание акцентируют главным образом на дискурсивном мышлении, если, разумеется, под дискурсом¹ понимать синергетическое по своей сути коммуникативно-когнитивное явление, ингредиентами которого, кроме текста, являются различные экстралингвистические контексты, конситуации, пресуппозиции и постсуппозиции (знание мира, мнения, ценностные установки), играющие важную роль для понимания и восприятия информации.

Дискурсивное мышление «неразрывно связано со знаниями, которые, будучи следствием мышления, являются вместе с тем и одним из его условий» [Кацнельсон, 2001, с. 488]. Дискурсивное мышление, следовательно, — это способ получения знаний, которые, в свою очередь, являются способом существования дискурсивного сознания, а специфической формой выражения знания выступают значение и смысл слова. Одним из первых понятие «дискурсивное мышление» использовал в своих работах А.Р. Лурия, однако определение «дискурсивное», использовал скорее как синоним «речевого».

Дискурсивное сознание оказывается в центре внимания когнитивной семиологии, потому что «позволяет проникнуть в глубь вещей, выйти за пределы непосредственного впечатления, организовать свое целенаправленное поведение, вскрыть сложные связи и отношения, недоступные непосредственному восприятию, передать информацию другому человеку» [Лурия, 1998, с. 323]. Иными словами, дискурсивное сознание позволяет человеку осуществлять так называемую *операцию вывода*, не опираясь на непосредственные впечатления и не ограничиваясь лишь теми средствами, которыми располагает язык [там же]. Термин *операция вывода* используется в работах А.Р. Лурия и С.Д. Кацнельсона в значении *постсуппозиции* — обоснованного предположения, которое можно сделать на основе соотнесения данного события с ожидаемыми его последствиями. Постсуппозиция формируется в процессе интерпретации смыслового содержания слова, поскольку «смысл, — писал С.Д. Кацнельсон, — непосредственно *не дан, он подлежит раскрытию*» [Кацнельсон, 2001, с. 627]. Поэтому интерпретация смыслового содержания слова и составляет основной предмет когнитивной семиологии.

Суть когнитивной семиологии заключается в том, что изначальным фоновым объектом ее изучения выступает бесконечный и нерасчле-

¹ Элементами дискурса служат излагаемые события, участники этих событий, перформативная информация и «не-события», т.е. обстоятельства, сопровождающие события, фон, оценка участников события и т. п.

ненный поток дискурсивного сознания и связанные с ним представления, воспоминания, переживания — важнейшие составляющие нашей дискурсивной деятельности. Это важно потому, что участники коммуникативного акта не могут произвольно выйти за рамки потока дискурсивного сознания — той среды, вне которой речемышление не может быть полноценным. Ведь для каждого человека «непрекращающаяся жизнь «с языком» и «в языке» является когнитивно-дискурсивным пространством его существования. В этом пространстве язык выступает одновременно и *как объект*, используемый коммуникантами в разных денотативно-прагматических ситуациях, и *как среда*, в которой речемыслительная деятельность совершается и которую знаковые продукты этой деятельности видоизменяют и обогащают. Не случайно Н.Д. Арутюнова определяет дискурс как речь, погруженную в «жизнь». Следовательно, слово как основной языковой знак является и средством, и продуктом речевой деятельности, что выводит само понятие «речемыслительная деятельность» за рамки психолингвистики. Поскольку же основу речемыслительной деятельности составляют языковые знаки и закономерности репрезентации ими когнитивных структур, то методология их изучения нуждается в новых идеях, которые бы позволили преодолеть системно-структурный консерватизм, ориентирующий на изучение *статики* слова, и обращали исследовательский поиск на познание дискурсивно-смысловой *динамики* слова. Это необходимо потому, что, несмотря на регулярную востребованность, языковые знаки — не просто подручный материал, при помощи которого мы извлекаем из анналов долговременной языковой памяти слова, необходимые для вербализации данной денотативной ситуации. Они — средство *порождения* и *оформления* смыслового содержания, диктуемого конкретной коммуникативно-прагматической ситуацией, в которой слово становится каждый раз иным. Особенно остро это ощущают поэты:

*И сотни раз различные уста
Одно и то же произносят слово,
И на устах у каждого из ста
Оно значение изменяет снова,
Иначе пахнет и звучит не так...*

(Давид Кугультинов)

Примером тому могут служить слова, используемые в данном четверостишье: *сотни раз* (в значении 'много'), *различные уста* (в значении 'разные люди') и др. Когнитивно-семиологический подход направлен именно на изучение таких дискурсивных метаморфоз этноязыкового сознания.

Поскольку язык — достояние всего этноязыкового сознания, при когнитивно-семиологическом исследовании слова следует учитывать уровень «погружения» данной языковой личности в концептосферу родного языка как «текущую, открытую и непрерывную» систему концептов и языковых единиц, их реализующих. Понятно, что при таком подходе методологически значимыми являются понятия «когниция» и «семиология». Если первое используется в его традиционном понимании (*когниция* — познание + знание), то второе требует особого разъяснения.

Обычно возникает вопрос о том, не тождественны ли понятия «семиология» и «семиотика»? Действительно, это близкие феномены, но далеко не тождественные. Главное их различие в том, что семиотика базируется на структуралистской методологии, а семиология призвана ее догмы преодолеть. К принципам семиологического исследования лексикона впервые обратился Ю.С. Степанов (1976). В их основе лежат два философских постулата. *Первый* гласит: *субъективная* диалектика познания отвечает *объективной* диалектике познаваемого предмета; *второй* исходит из примата отдельного слова по всему спектру его лексико-семантического варьирования.

В семиологическом аспекте словесный знак имеет специфическое трехэлементное строение. Напомню, по семиотическому «треугольнику Фреге» словесный знак истолковывается как некое универсальное явление, состоящее из 1) материального (?) носителя, законносителя (sign-vehicle), 2) обозначаемого мыслимого предмета, денотата (object, denotatum), и 3) понятия об этом предмете, сигнификата, концепта (significatum, concept). В таком триединстве традиционная семиология видит сущность словесного знака. Однако не может не бросаться в глаза расхождение между принятым определением знака и классическим пониманием соотношения языка и речи. Если язык, в отличие от психофизической сущности речи, — явление *идеальное*, то ему явно противоречит понимание языкового знака как *материального* носителя информации. К тому же в современной лингвистике детально разработана только знаковая теория языка. Но почему-то в тени остается проблема речевой семиотики, без которой выстроить когнитивную семиологию невозможно. В связи с этим, кроме всего прочего, особую значимость в ее разработке приобретает прагматика с ее учением об интерпретанте знака. Поэтому определение знака, данное Ч. Моррисом, применимо не к *языковым*, а к *речевым* знакам. Выстраивать современную теорию языкового знака следует с учетом учения А.А. Потебни о взаимоотношении языка и мысли, в котором ученый акцентировал внимание на идеальной природе языкового знака, который, полагал А.А. Потебня, формируется через двойное отношение: (а) к предшествующей мысли, которая выступает его «смысловым знаком», или

внутренней формой, и (б) через отношение к способу ее именованию, выступающему в новом слове как «знак знака», или внешней формой. В соответствии с этим элементы языкового знака являются исключительно идеальными сущностями. Это (1) звуковой образ слова, (2) денотат — типовой и серийный образ именуемого предмета и (3) сигнификат — соответствующий *понятию* о предмете номинации.

При таком разграничении знаков языка и знаков речи становится понятным, почему слово в речемыслительной деятельности человека всегда выступает другим. *Во-первых*, на каждом новом витке познания меняется образ называемого предмета; *во-вторых*, переструктурируется денотат, актуализируются или погашаются его отдельные денотативные и коннотативные признаки; *в-третьих*, перестраивается интерпретанта словесного знака, поскольку каждый последующий речемыслительный акт вызывает новую семиологическую реакцию говорящих.

Поэтому в когнитивной семиологии первоочередное значение приобретают даже не всегда четко осознаваемые интенции субъекта речи, взаимоотношения автора и адресатов — непосредственных и потенциальных, близких и отдаленных, известных и воображаемых. Ср. у А. Ахматовой:

<i>Хвалы эти мне не по чину,</i>	<i>Стихи эти были с подтекстом</i>
<i>И Сафо совсем ни при чем,</i>	<i>Таким, что как в бездну глядишь.</i>
<i>Я знаю другую причину,</i>	<i>А бездна та манит и тянет,</i>
<i>О ней мы с тобой не прочтем.</i>	<i>И ввек не доищешься дна,</i>
<i>Пусть кто-то спасается бегством,</i>	<i>И ввек говорить не устанет</i>
<i>Другие кивают из ниш,</i>	<i>Пустая ее тишина.</i>

Когнитивно-семиологическому осмыслению здесь подлежат и скрытые интенции автора, и адресат (*о ней мы с тобой не прочтем*), и взаимоотношения автора и адресата, другие составляющие денотативной ситуации (*Сафо, кто-то, другие*), подтексты, о которых упоминает поэт (они такие, что *как в бездну глядишь*, что *не доищешься дна*, они бездны *пустая тишина*).

Как видим, в поле зрения когнитивно-семиологического анализа слова оказываются любые событийные обстоятельства — крупные и мелкие, общезначимые и интимные, обязательные и случайные, в том или ином виде отразившиеся в этих речевых построениях; жанровые черты и стилистический климат эпохи в целом. При таком подходе особую значимость приобретает импликационал слова, который ассоциативно связан с предыдущим опытом общающихся, так или иначе привлеченных в орбиту каждого речемыслительного акта.

Дискурсивное пространство, таким образом, постоянно видоизменяется, а каждый акт употребления слова *адресантом* осуществляется «в несколько изменившихся условиях». В процессе осмысления

слова *адресатом* дискурсивная среда меняется еще раз. Поэтому такой непростой оказывается для нас интерпретация фразы, изреченной А. Ахматовой в <Набросках к циклу «Музыка»>:

*Молитесь на ночь, чтобы вам Вдруг
не проснуться знаменитым.*

Все это служит неопровержимым доказательством того, что в процессе речемышления языковой знак ценен не столько кодифицированной семантикой, сколько совокупностью своих дискурсивных смыслов, теми *побочными смыслами и чувственным содержанием*, о которых писал К.О. Эрдман еще в 1910 г., смыслах, способных существенно влиять на его семантическую эволюцию. Слово, взятое вне событийного контекста, представляет собой некий законсервированный знак, поскольку его «отвлеченно-смысловая сторона, не соотнесенная с безусловно-действительной единственностью» лишь «проективна», словно «черновик возможного свершения, документ без подписи, никого ни к чему не обязывающий...» [Бахтин, 1994, с. 43-44].

По этой причине когнитивная семиология пытается выйти за догматические рамки кодифицированного значения слова. Когнитивно-семиологический статус слова наиболее явно ощущают мастера художественного слова, поскольку, как утверждал Э.Б. де Кондильяк, поэзия также является свойством протоязыка, а чувственный образ — знаком поэтичности [Кондильяк, 2006, с. 117]. В понимании О. Мандельштама «любое слово является пучком, и смысл торчит из него в разные стороны, а не устремляется в одну официальную точку» [Мандельштам, 1990, с. 223].

Приоритет событийного начала в смысловом содержании слова обусловлен интенциями языковой личности, ее причастностью к предмету речемышления. Причем характер интенциональности во многом определяется самой языковой личностью, поскольку она сама определяет свою точку нахождения как в структуре конкретного события-поступка, так и в структуре знаковой ситуации, от которой, собственно, и зависит и ракурс осмысления предмета речемышления, и смысл самого словесного знака. Прав был Давид Кугультинов, когда произнес:

*У каждого из слов душа своя,
На душу говорящего похожа.*

Слово, преисполненное дискурсивного смысла, весомее слова, кодированного словарем. Для О. Мандельштама «слова, как тяжелые гири верны», а в ощущениях Н. Заболоцкого «под поверхностью каждого слова шевелится бездонная мгла». Такой поверхностной скорлупой

оказывается звуковая оболочка слова, которая, фиксируясь языковым сознанием, «может, — в интерпретации Г.Г. Шпета, — до известной степени, как лава, затвердевать и сковывать собою смысл», который все же «под ее поверхностью клокочет и сохраняет свой пламень» [Шпет, 1989, с. 403]. Это происходит потому, что смыслы постоянно приводятся в движение взаимодействующими концептами, актуализирующими те или иные звенья концептосферы языка. За звуковыми образами слов бурлят в поисках архитектоники именно *смысловые* и *аффектные* элементы концептов.

*Вечерний звон у стен монастыря, Как некий
благовест самой природы... И бледный лик в
померкнувшие воды Склоняет сизокрылая
заря. (А. Ахматова).*

Понять переживания поэта можно, лишь установив смысловую связь между концептами духовной сферы («вечерний звон», «монастырь», «благовест») и концептами реального мира («природа», «заря», «вода»). Если в основе языкового значения лежит понятие или представление, то *когнитивным субстратом «живого» слова служит концепт*, лишенный понятийного, жестко структурированного содержания. Все это служит еще одним аргументом к необходимости разграничивать и на уровне лингвистической семантики две взаимосвязанные категории — «концепт» и «понятие». «Концепт» необходим когнитивной семиологии для того, чтобы загадочная метафора *человеческий фактор в языке* обрела, наконец, свой когнитивный смысл и нашла свое исследовательское воплощение. Не случайно возникновение теории «концепта» совпало с «постмодернистским» или «постструктуралистским» периодом науки. Постмодернистское разрушение философских основ структуральной лингвистики, поэтики и семиотики имеет самое непосредственное отношение к возникновению когнитивно-семиологической теории, поскольку оно выявило слабости и противоречия рационалистического подхода к языку в целом, и к семантике его номинативных единиц в частности.

Заключение. Отличительной чертой когнитивно-семиологического подхода к слову является отказ от принципа конструктивной целостности и упорядоченности как конечного идеального состояния языка. К таким структурам эвристическая мысль, разумеется, будет стремиться всегда, пытаясь логически упорядочить «хаос» эмпирического опыта. Однако «живое слово» во всем спектре его эмоционального тона (вспомним Г. Шпербера), нам дано только в дискурсивной деятельности, в движении, в процессе порождения самой мысли, в синергетике словообразования [Алефиренко, 2007, с. 96]. Именно такая алхимия

взаимного воздействия «живого слова» и «живого понятия», концепта лежит в основе когнитивно-семиологической (нелинейной) стратегии современного постижения смысловой полифонии не только семантики слова как знака языка, но и семантики слова как знака речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алефиренко Н.Ф.* Язык, познание и культура: Монография. Волгоград, 2006. 228 с.
2. *Бахтин М.М.* Работы 1920-х годов. Киев, 1994. 466 с.
3. *Гаспаров Б.* Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. М., 1996.
4. *Кондильяк Э.Б., де.* О методе и языке: Пер. с фр. / Общ. ред. В.М. Богуславского: 2-е изд. М., 2006.
5. *Левицкий В.В.* Семасиология. Винница, 2006.
6. *Мандельштам О.* Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 2.
7. *Степанов Ю.С., Эдельман Д.И.* Семиологический принцип описания языка // Принципы описания языков мира. М., 1976. С. 7-28.
8. *Шпет Г.Г.* Сочинения. М., 1989. 372 с.
9. *Sperber H.* Einführung in die Bedeutungslehre. Bonn; Leipzig, 1923.